

романика Некрасова

В первый день **ИТИ** фестиваля «Открытая книга» 15 октября прок литературы для старшеклассников физико-математического лицея № 31 провела **Оайя Кичерская**, писатель, литературовед, профессор **НУУ ВУУ**, лауреат **Бунинской премии**, финалист литературных премий «Асная Поляна», «Большая книга». Свой прок она посвятила **Николаю Некрасову**, классику русской поэзии...

Сегодня Некрасова читают сквозь зубы, он скучен нынешним школьникам, он не близок даже тем, кто поэзию любит. Чужой. На самом деле и двадцать, и тридцать лет назад отношение к нему было похожим. Тогда это происходило потому, что Николай Алексеевич Некрасов в советское время стал официальным поэтом, про него писались статьи и монографии, его самого постоянно издавали и переиздавали. По очевидной причине: он был из радикально-демократического лагеря, и та идеология, которую транслируют его тексты, совпадала с идеологией коммунистической, доминировавшей у нас почти семьдесят лет. Некрасов показался коммунистам «своим» — вот его и изучали, и пропагандировали. Но когда кем-то тебя так активно кормят — это вызывает естественное отторжение. Отторжение, так же как и восторг — слепы, но давайте попробуем сегодня ненадолго прозреть и увидеть Некрасова таким, каким он был. Не успеем увидеть многое, хотя бы отдельные черты.

Что стоит знать о Некрасове любому человеку, независимо от его пристрастий? Сейчас я это произнесу. Некрасов совершенно перевернул привычные представления о поэзии, о поэтическом языке, о том, что можно и чего решительно нельзя делать в пространстве лирического стихотворения. Он нарушил множество табу и запретов. Но чтобы войти в подробности этого переворота — нужно коснуться его биографии.

Некрасов родился в 1821 году, детство провел в провинции, в Ярославской губернии в имении Грешнево. Отец его, отставной майор, уже забыл свое военное прошлое — и был просто помещиком, живущим разгульно и не слишком считаясь с окружающими. Это было время крепостного права, тогда для большей части дворян не стояло вопроса, как обращаться со своими крестьянином — гуманно, негуманно. Крестьянин был рабом — так с ним и обращались. Некрасов позднее говорил, что, пожалуй, самые болезненные воспоминания его жизни были связаны именно с детством и отцом.

Вскоре Некрасов с братом покинули родное имение, чтобы поступить в Ярославскую гимназию. Как себя ведут два мальчика, оставшиеся без присмотра? Все верно — бездельничают. Ценности учиться они не ощущали, да и ярославская гимназия не была таким прекрасным лицеем, как ваш 31-й. Так что учиться было не самым веселым занятием — не удивительно, что закончилось все тем, что в пятом классе Некрасов остался на второй год — и в итоге не захотел доучи-

Но korga kem—mo medя mak
активно kopyam — это вы—
зывает естественное оттор—
жение.

ваться и бросил. И все же учеба в гимназии не была бесполезной: именно в гимназические годы Некрасов начал читать литературные журналы, которые выходили в столицах, и выписывались в провинции — и сам стал пробовать писать. Поначалу это были какие-то шуточные стихи про учителей, одноклассников — шаржи, карикатуры в стихах. И они пользовались некоторым успехом — высмеять кого-то было милое дело. Но уже тогда — в 15-16-17 лет, будучи совсем юным сочинителем, Некрасов пробовал писать стихи серьезные, подражая тому, что он читал в литературных журналах — поэзии романтической. В итоге из таких подражаний составила целая тетрадь. С ней он и отправился покорять столицу.

В 1838 году Некрасов поехал в Петербург с намерением покорить столицу, чтобы заниматься литературой уже всерьез. Отец об этом не знал — он был уверен, что сын поступит в высшее военное учебное заведение и пойдет по его стопам. Некрасов его обманул и подал документы в Петербургский университет. Но провалился на экзаменах, получил двойки, и не поступил, оставшись, буквально на улице, потому что едва отец узнал о его обмане, он лишил его содержания. Жить ему стало не на что, единственным его достоянием, в которое он очень верил, на которое много ставил, была тетрадь со стихами...

Конечно, это были стихи — те самые, серьезные. Этот молодой человек чувствовал в себе силы — и был невероятно самоуверенным, как это часто бывает с молодыми. Он не сомневался в том, что стихи выведут его в люди. И в итоге оказался прав, просто все случилось не так быстро, как он мечтал. Он опубликовал несколько стихотворений, но это поначалу не принесло ему ни доходов, ни славы. Между тем нужно было думать о хлебе насущном. Некрасов начал сотрудничать сразу с несколькими изданиями, в том числе с журналом «Пантеон русского и всех европейских театров», с «Литературной газетой», для которых писал рецензии на спектакли, стишки от случая к случаю, фельетоны, водевили — что придется и что попросят. Позже Николай Алексеевич назвал этот период «литературной поденщиной», поскольку каждый день приходилось писать всякую ерунду. На самом деле эта работа и была его литературной школой.

Первый урок состоял в умении быть актуальным, слышать запрос публики. Не ответишь на запрос — никто не будет тебя читать, публиковать. Так устроена

журналистика. Некрасов ее законы спроецировал и на литературу, и положил в основу собственного общения с публикой. Второй в том, что резвость и язвительность газетного фельетона он перенес в собственную поэзию.

Зарботки в журнале были не слишком надежны — в какой-то момент Некрасова даже выгнали из съемной квартиры за неуплату, все вещи его забрали в счет неуплаченного долга. Некрасов остался буквально на улице, в холодном, промозглом Петербурге. Его спас старичок, какой-то бездомный, который увидел молодого человека, сидевшего на камне и явно собиравшегося замерзнуть, взял его за руку и отвел в ночлежку, согрел... Именно тогда Некрасов и поклялся себе «не умереть на чердаке». Об этих самых тяжелых годах своей жизни в Петербурге Некрасов много рассказал в автобиографической повести «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

«... По приезде в Петербург, не более как через 10 дней я надеялся иметь кучу золота и громкое имя (...) Всеми помыслами души стремился я к литературной славе, к той славе, которая, по тогдашним понятиям моим, заключалась в громких похвалах, расточаемых тому или другому сочинителю в книжных лавках и кондитерских, да в торжественных вызовах, которые мне иногда удавалось подслушивать из театральных райков...»

Опубликовать привезенную с собой из Ярославля тетрадь стихов Некрасову помог Жуковский, помощник и заступник многих писателей и литераторов. Сборник назывался «Мечты и звуки» и вышел в свет в 1840 году. Даже внешне эта книжка выглядит необычайно беспомощно. Мягкая розовая обложка, бедное оформление. Вошедшие сюда стихотворения представляли собой сплав всего, что тогда было принято и распространено в литературе.

Спит дряхлый мир, спит старец обветшалый, // Под грустной тению ночного покрывала, // Едва согрет остатками огня // Уже давно погаснувшего дня.

Что значит «старец обветшалый»? «Под грустной тению ночного покрывала...» Кто? Мы уже забыли — то ли «дряхлый мир», то ли «старец обветшалый». Уже не говоря о том, что «огня» и «дня» — такая уже давно завязшая в зубах рифма!

И тем не менее в этой книжечке был сделан шаг навстречу к себе и своему дару. Сборник назывался «Мечты и звуки». С мечтами все ясно, они были у Некрасова общими с другими поэтами эпохи, но вот звуки — были некрасовские. Некрасов — поэт музыкальный, позднее это стало очевидно, но и после выхода

этого первого сборника многие критики отметили как раз это: что Некрасов — поэт «слушащий». Поэт без слуха — это не поэт. Стихи Некрасова превосходно звучали.

И немногочисленные рецензенты сборника именно это отметили и вообще написали о «слушающем» Некрасове благожелательно. Кроме главного критика эпохи — Виссариона Белинского. Он написал совсем краткую, но разгромную рецензию. А разгром Белинского — это практически литературное убийство. И Некрасов был убит... Простые читатели далеко не всегда слушают и читают критику и могут все равно покупать и читать книги, независимо от рецензий. Но «Мечты и звуки» никто не купил, тираж так и лежал в лавке. Было продано всего несколько экземпляров. Благодаря этому у нас есть эта книга — эти экземпляры сохранены в главных библиотеках России. Весь остальной тираж Некрасов сжег.

Некрасов осознал, что писать, как все, — нельзя. И начал воссоздавать тот стиль и даже интонацию, которые освоил в прозаических фельетонах в годы «литературной поденщины». В поэзию благозвучия, нежных рифм он начал вбивать ржавые гвозди прозы, говорить нарочно неуклюже, неуютно, чтобы это задело читателя, схватило и потащило его за собой. Вот что такое изменившийся Некрасов — вот как звучало одно из переломных его стихотворений, в которых он шел от привычного лирического героя к собственно-неповторимому.

Я за то глубоко презираю себя, // Что живу — день за днем бесполезно губя; // Что я, силы своей не пытаю ни на чем, // Осудил сам себя беспощадным судом // И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! — // Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб. // Что, доживши кой-как до тридцатой весны, // Не скопил я себе хоть богатой казны, // Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног, // Да и умник подчас позавидовать мог! // Я за то глубоко презираю

А разгром Белинского — это практически литературное убийство. И Некрасов был убит...

себя, // Что потратил свой век, никого не любя, // Что любить я хочу... что люблю я весь мир, // А брожу дикарем — бесприютен и сир, // И что злоба во мне и сильна и дика, // А хватаясь за нож — замирает рука!

Никакого старика не осталось. Речь уже «обо мне», и это «я» в стихотворении уже действительно приближается «ко мне — Некрасову» и «моим переживаниям». На лицо автобиографичность, совершенно другая интонация, более исповедальная. К тому же — как много здесь намешано! Здесь есть романтические образы: «дикарем брожу», «бесприютен и сир», но вместе с романтизмом есть и другое. Есть новый Некрасов.

Но вот, что любопытно: изменившийся Некрасов, остросоциальный, прозаический, и с Некрасовым-мальчиком — романтически настроенным юношей с книжечкой в розовой обложке — никогда так и не расстался. Мы постоянно, даже в самых гражданственных и грубоватых его стихах обнаруживаем связь с поэтикой и образами романтизма.

Это свойство удобно рассмотреть сквозь призму образа смерти в поэзии Некрасова. Прочитаю отрывок стихотворения «О погоде»:

Я ушел — и наткнулся как раз // На тяжелую сцену. // Везли на погост // Чей-то вохрой окрашенный гроб // Через длинный Исакиев мост. // Перед гробом не шли ни родные, ни поп, // Не лежала на нем золотая парча...

Естественно, этот гроб потом падает, раскрывается, выясняется, что там чиновник бедный, одинокий, который потерял во время наводнения жену. За гробом следует странная старушка.

Вспомните любое пушкинское стихотворение: «Зима! крестьянин, торжествуя...»; «Мороз и солнце, день чудесный!»; «Унылая пора! Очей очарованье!» — уныние тут же уравновешивается очарованием, во всем пусть и горькая, но гармония... А вот вам Некрасов: слякоть, грязь, гроб, который развалился на ваших глазах. Что на вас сильнее подействует? Гроб, конечно! Вам не хочется это читать, хочется поскорее закрыть книжку, но и оторваться вы не можете. Мы с вами прекрасно знаем, что на эту притягательность, и вместе с тем отвратительность — смерти, тьмы — опирается огромный пласт массовой культуры. Фильмы-ужастики — почему их делают? «Страшное» продолжает привлекать зрителей. И Некрасов это прекрасно понимал, ему тоже нужно было привлекать зрителей. В результате он стал одним из самых успешных писателей своего времени. Его сборник 1856 года, открывавшийся стихотворением «Поэт и гражданин», был раскуплен, всеми обсуждался и цитировался.

Но вернемся к смерти — это сильный поэтический

... на эту притягательность, и вместе с тем отвратительность — смерти, тьмы — опирается огромный пласт массовой культуры.

ход. Откуда этот мотив взялся у Некрасова? И почему моя лекция так странно называется: «Готика Некрасова»? Об архитектуре я сегодня рассказывать не буду. Но готическое направление существовало и в литературе. В конце XVIII века в Европе появились так называемые «готические» повести и романы, построенные вокруг разного рода ужасов и тайн. В них присутствовало несколько воспроизводящихся мотивов: убийства, привидения, восставшие покойники, которые, как правило, действовали в старинном готическом замке — отсюда и название. Пространство замка для таких историй очень подходило: там были таинственные уголки, переходы, лесенки, привидениям было где поиграть с людьми в прятки. Привидениям и смерти. Источником страшного, жуткого в поэзии Некрасова вполне могли быть и готические романы. И вместе с тем у мотива смерти в некрасовских стихотворения были и другие источники.

Давайте почитаем одно из самых знаменитых стихотворений Некрасова, «Колыбельную песню».

Спи, пострел, пока безвредный! // Баюшки-баю. // Тускло смотрит месяц медный // В колыбель твою, // Стану сказывать не сказки — // Правду пропою; // Ты ж дремли, закрывши глазки, // Баюшки-баю.

(...)
Подрастешь — и мир крещеный // Скоро сам поймешь, // Купишь фрак темно-зеленый // И перо возьмешь. // Скажешь: «Я благонамерен, // За добро стою!» // Спи — твой путь грядущий верен! // Баюшки-баю.

(...)
Купишь дом многоэтажный, // Схватишь крупный чин // И вдруг станешь барин важный, // Русский дворянин. // Заживешь — и мирно, ясно // Кончишь жизнь свою... // Спи, чиновник мой прекрасный! // Баюшки-баю.

Это великолепная иллюстрация того, что делает Некрасов проделывает с поэзией традиционной, классической. Он берет «Казачью колыбельную песню» Лермонтова — «Спи, младенец мой прекрасный, // Баюшки-баю. // Тихо смотрит месяц ясный // В колыбель твою», — и переиначивает на свой лад! Читатель узнает оригинал (Лермонтов тогда был на слуху) — и таким образом взрывает привычные представления

о том, как и о чем можно писать в стихах. Нежную песню он превращает в предсказание-предупреждение. «Ты ведь не хочешь быть таким ужасным чудовищем, которое я описываю? Сделай выводы!» И это тоже интересная особенность Некрасова, на которую никто внимания доселе не обращал. Он такие предсказания очень любит. Но предсказывает он всегда примерно одно — кошмары:

Что ты жадно глядишь на дорогу // В стороне от веселых подруг? // Знать, забило сердечко тревогу — // Все лицо твое вспыхнуло вдруг...

Итак — девушка. К ней обращается лирический герой. Она отошла ото всех, стоит одна...

И зачем ты бежишь торопливо // За промчавшейся тройкой вослед?.. // На тебя, подбоченясь красиво, // Загляделся проезжий корнет //...// Взгляд один чернобровый дикарки, // Полный чар, зажигающих кровь, // Старика разорит на подарки, // В сердце юноши кинет любовь. // Поживешь и попразднуешь вволю, // Будет жизнь и полна и легка...

Как хорошо! Ну и остановился бы на этом, но это был бы не Некрасов...

Да не то тебе пало на долю: // За нерыху пойдешь мужика. // Завязавши под мышки передник, // Перетянешь уродливо грудь, // Будет бить тебя муж — привередник // И свекровь в три погибели гнуть. //...// И схоронят в сырую могилу, // Как пройдешь ты тяжелый свой путь, // Бесполезно угасшую силу // И ничем не согретую грудь...

Зачем Некрасов это делает, что он хочет сказать? Готовит к суровой реальности? Это крестьянка, которая и так, в общем, обречена. Но здесь есть подтекст: «Не надо так..!» Но «как» надо — и возможно ли то как надо — большой вопрос. А поэтическая задача, литературная задача этого стихотворения точно такая же, как и всех предыдущих: задеть, возмутить. «Да, я буду говорить бестактно! Буду говорить грубо! Да, я молодой красавице предскажу сырую могилу!» Чтобы читатель разгневался! Пусть на меня!

Предсказание, причем предсказание смерти и в «Колыбельной песни», и в «Тройке», вероятно, восходят к готической литературе, но не к ней одной. Еще один возможный источник этого смертного мотива — «смертные колыбельные», те самые, в которых младенцу желают смерти. «Баю-баю-баю-бай, Поскорее помирай...» — вот доминанта этих колыбельных. И еще один пример:

Все очень просто: поэт в романтической системе ценностей — пророк!

Бай-бай да люли! // Хоть сегодня умри. // Завтра мороз, // Снесут на погост. // Мы поплачем, повоем, // В могилу зароем.

Вам жутко? Все верно, это дико слышать сегодня, но крестьянская культура была иной. У специалистов несколько объяснений этим дикостям. Первое — бедность, когда нечем кормить детей, смерть одного из них — облегчение. Второе, противоположное — это пожелание делается, чтобы обмануть злые силы и не сглазить, то есть пожелать младенцу жизни. Третье, мифологическое. Это не более, чем пожелание младенцу очень крепкого сна. Вспомните «Спящую красавицу», где сон и смерть практически неотделимы. То ли спит героиня, то ли умерла, но поцелуй ее все же пробудил. Этого много и в романтической поэзии — эдакая «ненастоящая смерть», от которой можно пробудиться.

Итак, вполне возможно, что одним из источников некрасовских «предсказаний» и темы смерти в его поэзии — народная колыбельная. Первые десять лет жизни он провел в деревне, при том у него было несколько младших сестер и братьев. Он мог слышать, как их укачивает кормилица, няня. К тому же именно в 1840-е годы стали появляться первые публикации фольклорных текстов в журналах, что-то он мог прочитать и там.

Ну, и напоследок, какое право Некрасов имеет пророчить? Говорить гадости младенцу и прекрасной девушке? Все очень просто: поэт в романтической системе ценностей — пророк! Это тот, кто прозревает будущее, кто обладает знаниями, которыми не обладают простые люди.

Вглядевшись в мотив смерти и предсказаний у Некрасова мы с вами увидели, что этот поэт тесно связан и с готическим романом, и с романтической поэзией, причем не только в ранние, но и поздние годы, и с фольклором. У поэзии его — по меньшей мере два корня — литературный и фольклорный.

Культура вообще устроена сложно. Чтобы слышать ее речи, нужно понять, на каком языке она говорит, попытаться увидеть, какие винтики, механизмы прячутся вот за этой гладкой белой страницей книги — только тогда и станет интересно самому. Изучать этот язык, искать ключи, раскрывать тайны! Это и есть «любовь к слову» — это и есть филология. **БК**